

Une Terre, deux Âmes

"Одна земля, две души"

Elza Gautier-Kutlubaeva | Huile sur toile | 130 × 80 cm | 2025 | Collection privée | N2

Description de l'œuvre

« Une Terre, deux Âmes » est une composition monumentale où deux matriochkas se font face au centre de la toile. La première, vêtue de vert émeraude, tient un violon contre elle ; la seconde, en rouge bordeaux à pois, serre un bouquet de fleurs. Au-dessus d'elles, Montmartre et le Sacré-Cœur se devinent à travers un rideau d'ornements dorés, de colombes et d'arabesques florales. En bas, des grenades ouvertes et des citrons reposent sur un tapis aux motifs persans.

L'œuvre est profondément autobiographique, tandis que les fleurs célèbrent la nature cultivée. Les grenades, symboles de fertilité dans les rituels printaniers bashkirs, ancrent la scène dans la mémoire ancestrale. La palette oscillant entre roses corail, bleus turquoise et verts profonds maintient l'œil en mouvement constant dans un foisonnement ornemental vertigineux.

Analyse critique

Un retable intime du déracinement heureux

Elza Gautier-Kutlubaeva atteint ici un sommet de sa maturité artistique. La composition verticale en trois registres — céleste (architecture sacrée, colombes), terrestre (les deux figures), et matériel (grenades, citrons) — évoque la structure des retables médiévaux et des icônes russes. Cette lecture hiérarchique ascendante, du fruit vers le ciel, transforme une scène domestique en vision spirituelle.

Les matriochkas — protagonistes du titre — ne sont pas de simples objets décoratifs. Disposées en symétrie inversée (verte/rouge), elles créent un axe central autour duquel gravite toute la composition. Leur dialogue muet évoque la transmission orale des grand-mères bashkires qui transmettaient savoirs et traditions par la parole. La matriochka est aussi une métaphore de l'artiste elle-même : plusieurs identités emboîtées les unes dans les autres.

Influences artistiques : Henri Matisse période Nice (textiles orientaux, abolition de la profondeur), miniatures persanes de l'École d'Ispahan (accumulation décorative, spatialité non-euclidienne), arts décoratifs bashkirs (motifs géométriques, palette turquoise-corail-vert), Beatriz Milhazes (maximalisme joyeux contemporain).

La force politique de l'ornement : Dans un monde occidental dominé par l'austérité moderniste, Elza revendique le droit à l'ornement, à la couleur, à la célébration visuelle. Le maximalisme devient résistance culturelle. Cette toile transforme une scène intime en icône contemporaine, prouvant que les traditions millénaires de l'Oural ont toute leur place dans le dialogue artistique du XXIe siècle. C'est une peinture qui ne représente pas la beauté : elle la performe, l'incarne, la célèbre avec une générosité qui force l'admiration.

Exposition Elza Gautier-Kutlubaeva – Musée École de la Perrine, Laval – 14-31 mars 2026

Одна земля, две души

"Une Terre, deux Âmes"

Эльза Готье-Кутлубаева | Холст, масло | 130 × 80 см | 2025 | Частная коллекция | N2

Описание произведения

«Одна земля, две души» — монументальная композиция, в центре которой две матрёшки обращены друг к другу. Первая, в изумрудно-зелёном одеянии, прижимает к себе скрипку; вторая, в бордово-красном платье в горошек, держит букет цветов. Над ними сквозь завесу золотых орнаментов, голубей и цветочных арабесков угадываются Монмартр и Сакре-Кёр. Внизу раскрытые гранаты и лимоны покоятся на ковре с персидскими мотивами.

Произведение глубоко автобиографично: Скрипка в руках зелёной матрёшки перекликается с мужем-скрипачом, а цветы воспевают облагороженную природу. Гранаты — символы плодородия в башкирских весенних обрядах — укореняют сцену в памяти предков. Палитра, колеблющаяся между коралловыми розовыми, бирюзовыми голубыми и глубокими зелёными, удерживает взгляд в постоянном движении.

Критический анализ

Интимный алтарь счастливого изгнания

Эльза Готье-Кутлубаева достигает здесь вершины своей художественной зрелости. Вертикальная композиция в три регистра — небесный (сакральная архитектура, голуби), земной (две фигуры) и материальный (гранаты, лимоны) — напоминает структуру средневековых алтарей и русских икон. Это иерархическое восходящее прочтение, от плода к небу, превращает бытовую сцену в духовное видение.

Матрёшки — протагонистки — не просто декоративные предметы. Расположенные в зеркальной симметрии (зелёная/красная), они создают центральную ось, вокруг которой вращается вся композиция. Их безмолвный диалог вызывает в памяти устную передачу знаний башкирскими бабушками, которые, как бабушки Эльзы, передавали традиции через слово. Матрёшка — также метафора самой художницы: несколько идентичностей, вложенных одна в другую.

Художественные влияния: Анри Матисс периода Ниццы (восточные ткани, упразднение глубины), персидские миниатюры Исфаханской школы (декоративное накопление, неевклидова пространственность), башкирское декоративное искусство (геометрические мотивы, палитра бирюза-коралл-зелень), Беатрис Мильязес (радостный максимализм).

Политическая сила орнамента: В западном мире, где господствует модернистский аскетизм, Эльза отстаивает право на орнамент, на цвет, на визуальное празднество. Максимализм становится культурным сопротивлением. Это полотно превращает интимную сцену в современную икону, доказывая, что тысячелетние традиции Урала имеют полное право на участие в художественном диалоге XXI века. Это живопись, которая не

изображает красоту: она её исполняет, воплощает, празднует с щедростью, вызывающей восхищение.